

ГЛАВА 1

Тусклый лунный свет скользнул по кирпичной стене. В его могильном мерцании зеленая слизь, покрывающая проемы между кирпичами, казалась зловещей. Несмотря на то что стены высотой не превышали двух метров, единственный источник света в виде пятисантиметровой смотровой щели под потолком не мог даже отчасти справиться со своей задачей, так что большая часть помещения совсем не освещалась. Впрочем, назвать помещением это убогое местечко, в буквальном смысле слова врытое в землю, было довольно смело. Подвалом его и то с натяжкой назовешь. Помимо низкого потолка, сырых неоштукатуренных стен и земляного пола помещение отличалось мизерными размерами: три метра в ширину и пять метров в длину. И никакой мебели. Совершенно никакой.

Тяжелый вздох заполнил неказистое помещение. В противоположном углу кто-то зашевелился, и вздох повторился. Сбоку послышалось недовольное ворчание, которое тут же стихло. У обитателей каморки на долгое выражение возмущения попросту не хватило бы сил. Звуки шагов бредущего человека были едва различимы. О его продвижении говорили лишь слабые вскрики тех, на кого он наступал, не имея возможности видеть хоть что-то под ногами. Благо путь был недолгим. Всего-то и требовалось, что преодолеть несколько метров через немые тела, вповалку лежащие на земляном полу. Ориентиром служил все тот же стон.

— Шурик, это ты стонешь?

— Он, он, задрал уже, — нарушил тишину грубоватый голос с акцентом.

— Тише, Влад, всеобщую порку устроить хочешь?

Тот, кто шел на стон Шурика, явно разозлился. Влад, выразивший недовольство стопами товарища, понял это и заткнулся. Обращавшийся к Шурику человек склонился над ним, слушая его дыхание. Какое-то время воздух из груди Шурика выходил относительно ровно, но вот характер дыхания изменился, и комната огласилась

новым стоном. Если бы в комнате было хотя бы немного света, подошедший увидел бы на лице Шурика гримасу невыносимой боли. Но ни лампами, ни окнами каморка не была богата, поэтому о том, насколько тяжело переносит боль Шурик, склонившийся к нему человек увидеть не мог. Зато мог вообразить себе это. За долгие годы, проведенные в каморке, он много чего успел насмотреться.

— Что? Кто здесь? — с трудом разлепляя спекшиеся губы, выдохнул Шурик.

— Тихо, тихо! Не нужно волноваться. Это я, Леха. Шурик, где твоя бутылка?

Ответа не последовало. Бутылка нашлась в ногах. Леха поднял ее, потряс и, ни к кому не обращаясь, проговорил:

— Пустая!

— Он ее еще в обед выглохтал, — подал голос Влад. — Я его предупреждал, что новой порции до утра не будет, только разве меня кто слушает?

— Заткнись, Влад! — оборвал его Леха.

Он приложил руку ко лбу Шурика — кожа горела огнем. «Под сорок поднялась. Если так дело и дальше пойдет, больше суток он не протянет. Все, решено: завтра, как только появится Бультерьер, потребую антибиотики. ■

И черт с ними, с плетьюми. Смолчу, подождем здесь все, а они новых наwerbуют».

— Леха, пить, — сделал попытку ухватить его за руку Шурик.

— Потерпи немного. У меня еще осталось, сейчас принесу.

Обратный путь Леха проделал быстрее. Обитатели подземелья, разбуженные разговором, затеянным в неурочное время, старались отползти, давая возможность ему одному передвигаться не по расprostертым телам, а по полу. Пять шагов туда, пять обратно, и Леха снова склонился над Шуриком. Крышку с пластиковой бутылки снимать не стал, лишь слегка отвинтил. Слабая струйка коснулась потрескавшихся губ. Шурик жадно облизнул их, приоткрыл рот, ловя капли драгоценной влаги. Когда струя иссякла, он простонал:

— Еще немного!

— Все, Шурик, достаточно. До утра еще часа четыре терпеть, а в бутылке не больше трех глотков. Да и гарантии нет, что Бультерьер сразу бутылки заменит. Знаешь ведь, он и до полудня промурыжить может. — Леха плотно закрутил крышку, но возвращаться в свой угол не стал.

— Помираю я, Леха, — внезапно произнес Шурик.

— Ерунды-то не говори! Отлежишься, первый раз, что ли? — грубовато оборвал его тот.

— Нет, не выкарабкаться мне в этот раз. Чую, конец пришел. — Шурик ухватился-таки за его руку, из последних сил подтянулся, пытаюсь занять сидячее положение. — Помогите сесть, Леха. Не хочу, как собака, на земле помирать.

— Ты не умрешь, — подтягивая Шурика к стене, чтобы он мог опереться на нее спиной, убеждал Леха. — Нам бы только утра дожждаться. Обещаю, я заставлю эту мразь выдать нам антибиотики и больше воды. Увидишь, скоро все изменится.

— Забудь, Леха! Только проблем себе наживешь. Не даст он ни воды, ни лекарств.

— Ну нет. Дальше я терпеть его издевательства не намерен. А за меня не беспокойся, я уже все продумал, — зашептал Леха. — У меня аргументы железные, только бы Бультерьер хозяину все слово в слово передал.

— Не станет он. Сам же знаешь, он его боится до чертиков.

— Посмотрим, — возразил Леха. — А ты надежды не теряй. Прорвемся, друг!

У смотровой щели появилась тень, и тут же послышалось злобное рычание.

— Заткнетесь вы сегодня? Слышите, уже собак разбулгачили, — опасно зашикали со всех сторон. — Нарветесь, а за вас всем от Бультерьера достанется.

Не просто так все обитатели подземной каморки называли надзирателя не иначе как Бультерьер. И не потому, что бросался на них, как собака, а потому, что поведение его предсказать было невозможно. За малейшую провинность или неповиновение он мог исполосовать любого из обитателей подвала до кровавых полос. Что выведет Бультерьера из себя в следующий раз, не знал даже он сам.

Собаки не унимались. Тихое рычание переросло в отрывистый лай. То ли друг с другом переругивались, то ли опасность учуяли. Лай разрастался, и откуда-то издалека послышался гневный окрик. На минуту он стих, и в этот момент одного из обитателей подвала начало жестоко рвать. Булькающие звуки разрывали тишину, тело сотрясали конвульсии. Собаки, учуяв это, начали носиться возле смотровой щели, роя землю, чтобы добраться до того, кто нарушил покой их хозяина. И вдруг все замерло. Собаки притихли, перестав даже скулить, обитатели подвала задержали дыхание. И лишь несчастный, обуреваемый рвотными спазмами, не мог остановиться. За железной дверью

послышались шаги. Тяжеловесные, гулкие, зловещие. Дверные петли беззвучно двинулись в сторону, открывая проход, ярко освещенный электрическим светом, и на пороге выросла фигура. Это был крупный мужчина в камуфляжном облачении и в кованых армейских ботинках. В правой руке он держал тяжеловесную дубинку, знакомую каждому из находившихся здесь людей. Помимо каучуковой структуры она обладала зарядом, равным ста двадцати тысячам вольт, чем ее владелец пользовался с превеликим удовольствием. Постукивая дубинкой по свободной ладони, он несколько минут осматривал всех, а потом, медленно выговаривая слова, произнес:

— Кто-то забыл, для чего нужна ночь?

Ему никто не ответил. Несчастные лишь глубже вжались в земляной пол, стараясь стать незаметнее для своего мучителя. Он довольно ухмыльнулся и, вычленив взглядом того, кто минуту назад захлебывался рвотой, коротко скомандовал:

— Ты, выходи! Живо!

Несчастный, совершенно лысый мужчина неопределенного возраста жалобно взмолился:

— Простите, это вышло случайно. Больше не повторится, обещаю!

— Ты меня услышал, — не повышая тона, повторил мужчина.

— Я не виноват. Это все из-за пищи, — теряя самообладание, принялся причитать лысый. — Позвольте мне, я все уберу. Поверьте, ваш сон больше ничто не потревожит!

Движения дубинки ускорились. Мужчина терял терпение.

— Эй ты, тащи его сюда! — ткнув пальцем в соседа лысого, потребовал он.

Им оказался Влад, до этого ругавший Шурика за стоны. Влад подскочил на месте как ужаленный и медленно приблизился к лысому.

— Влад, не надо, — вытянул тот руки вперед, будто этим можно было остановить его.

— Прости, Сухой, таковы правила, — коротко бросил Влад. — Либо ты, либо я.

— Да будь же ты человеком! Ты же знаешь, отчего меня рвет. Почему вы все молчите? — Сухой обвел взглядом помещение, пытаясь найти хоть одного сочувствующего.

Таких было много, но Сухой знал, что заступиться за него перед Бультерьером может только один — Леха, поэтому сосредоточил все свое внимание на нем.

— Леха, ты знаешь, почему так вышло. Скажи ему. Ведь твой друг Шурик тоже

умирает. Сегодня он заберет меня, а завтра наступит его очередь.

В это время Влад добрался до Сухого. Тот начал пятиться, пока не уперся в стену, и едва слышно проговорил:

— Не трогай меня, ты, ублюдок!

Но Влад не остановился. Подходя к нему вплотную, он произнес:

— Лучше не сопротивляйся. Все равно конец один, так зачем других топить?

И уже протянул руку, чтобы схватить Сухого и тащить к порогу, как позади зазвучал голос Лехи, причем на удивление твердо и громко. На фоне общего истощения это было особенно удивительно. Казалось, обитатели подвала ноги едва передвигают, а тут такая сталь в голосе.

— Стой, Влад, не трогай его! — сказал Леха таким тоном, что тот невольно опустил руки. Затем обратился уже к надзирателю: — Вам не стоит забирать его.

Мужчина в камуфляже стоял на пороге, возвышаясь над всеми. Выходка Лехи, казалось, забавляла его. Он принялся покачиваться с носка на пятку, одновременно перебрасывая дубинку из одной ладони в другую, и миролюбиво поинтересовался:

— И по какой же причине я не должен этого делать?

— Он болен, скорее всего это пищевое отравление. В такой ситуации он не может контролировать позывы желудка, поэтому лучше оставить его здесь. Немного воды облегчат боль, об остальном я позабочусь, — тщательно подбирая слова, ответил Леха. — Вам не придется возиться с ним всю ночь.

— Думаешь, я стал бы это делать? — спросил надзиратель. В его голосе Леха уловил надвигающуюся бурю и заговорил быстрее, стараясь высказаться, пока еще не поздно:

— Скорее всего нет, но тогда он умрет. И произойдет это гораздо раньше, чем вы думаете.

— Рано или поздно вы все умрете, — спокойно прокомментировал надзиратель.

— Это верно. Большинство из нас страдают от того же недуга, что и Сухой. День-два, и от нас останется половина. А в случае, если вы не дадите нам достаточного количества воды и антибиотиков, к концу недели здесь можно будет делать одно массовое захоронение.

— Может, ты и диагноз поставил? Так просвети меня, чем таким ужасным вы заболели? Все и сразу. — Движение дубинки прекратилось.

— Я уже сказал: это отравление. Пищевое отравление почти всегда носит массовый ха-

рактер, — повторил Леха. — Судя по тому, как долго это длится, шансов на то, что болезнь пройдет сама собой, практически нет.

— И ты хочешь их исцелить, — ухмыльнулся надзиратель.

— А заодно избавить вас от проблем. Передайте хозяину: антибиотики нужны срочно. Лучше всего — левомицетин. И побольше воды.

— Значит так, доброхот, — сплюнул на пол надзиратель, — свои поучения и пожелания засунь себе в задницу. Даже если вы все здесь сдохнете в один момент, меня это не огорчит. Думаю, моего хозяина тоже. А вот то, что ты лезешь не в свое дело, может серьезно сократить срок твоей жизни. Я достаточно ясно выразился?

— Послушайте, люди умирают. Если вы ничего не предпримете, через неделю у вас будет полон подвал трупов, — предпринял последнюю попытку Леха.

— Заткнись, падаль! То, что я тебя слушал до сих пор, не означает, что я собираюсь выполнять твои тупые требования. Мне было просто любопытно, как далеко ты зайдешь в своей наглости, — процедил сквозь зубы надзиратель. — Интерес пропал. Теперь ты попросту тратишь мое время. Эй, болезный, шагай сюда!